

© 1992 г. ЯМШАНОВА В.А.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В настоящей статье предпринимается попытка исследовать одну из фундаментальных семантических категорий (СК) — категорию инструментальности: выявить внешние связи этой СК с той средой в пределах которой она функционирует, установить ее внутреннее строение — иерархическую структуру семантической вариантности и в конечном счете представить СК инструментальности как целостный объект.

СК занимает важное место в понятийном аппарате того направления функциональной грамматики, которое ориентируется на понятие функционально-семантического поля, дающего "системное основание для анализа функций единиц разных уровней строя языка" [1, с. 11]. СК образуют содержательную основу функционально-семантических полей и детерминируются, с одной стороны, отражаемой в сознании и мышлении человека внеязыковой объективной реальностью, а с другой — воздействием языковой категоризации, опирающейся на средства формального выражения [1, с. 31]. В отношении СК инструментальности можно констатировать высокую степень изученности конкретно-языковой реализации инструментального содержания в разных языках [2—6] и одновременно недостаточную исследованность структуры самого выражаемого смысла. Наиболее интересные работы, посвященные выявлению внутренней субкатегоризации этой СК, касаются обычно какого-либо одного фрагмента содержательной структуры (в подавляющем большинстве случаев — субкатегории орудия) и выполнены на ограниченном языковом материале (например, в центре внимания русистов преимущественно находится существительное в творительном падеже [7; 8, с. 312—319]). Расхождения в субкатегориальном членении проявляются, в частности, в различном толковании общепринятых терминов "орудие", "инструмент", "средство", "способ". Своеобразие терминологической ситуации, связанной с описанием инструментального содержания, состоит также в том, что в лингвистической литературе наряду с термином, обозначающим чисто языковое явление — "инструментальность" (ср.: "каузальность", "темпоральность", "субъектность" и т.п.), отсутствует однозначный общепринятый термин, обозначающий реальное явление, отображаемое в языке (ср.: "причина", "время", "субъект" и т.п.). Термины "орудие" и "инструмент" традиционно применяются в первую очередь по отношению к предметам, используемым в инструментальной функции, но не к действиям, событиям, явлениям, природным силам, которые человек сознательно применяет для достижения цели. Термин "способ", напротив, акцентирует событийную сторону инструментального отношения. Термином, обобщающим все стороны инструментального содержания, может служить "средство" — слово, распространенное в этом значении в бытовом употреблении (ср.: *добиваться чего-л. всеми средствами*) и закрепившееся терминологически за обозначением общефилософской категории [9]. Аналогично таким традиционным обозначениям СК, как "темпоральность" (время), "локативность" (пространство) и т.п. (ср., например [1, с. 30]), обозначим обсуждаемую здесь СК как "инструментальность" (средство).

Изучение связей СК инструментальности с ее окружением показало, что в качестве среды [10] по отношению к этой СК выступает более широкое системное

образование — СК деятельности, которая понимается как отражение специфически человеческой формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение, познание и оценка, а также взаимодействие с другими людьми [11, 12] Категория деятельности представляет собой "неаддитивную систему, обладающую многоуровневой организацией" [13, с. 9], в которую категория средства входит на правах элемента. Чтобы выявить статус элемента "средство" в пределах более широкой системы, необходимо проследовать его связи с другими элементами этой системы.

1. Связь элемента "средство" с элементами "цель" и "результат" можно представить в виде известной формулы: "цель — средство — результат", обнаруживающей срединное положение "средства". Цель деятельности — это предвосхищение в сознании человека результата, на достижение которого направлены действия, его мысленная модель. Объективный результат как осуществленная цель может содержать некоторый момент несовпадения с субъективной целью. Средство выступает как опосредствующий элемент в движении от цели к результату. Будучи средним звеном в трехчленной цепи, "средство" взаимодействует с левым и правым звеньями своими разными сторонами. Для того чтобы понять, как через средство происходит переход от субъективной цели к объективному результату, необходимо в самом понятии "средство" различать две стороны: средство как абстрактно-логическую категорию и средство как реальность [14, с. 101—102].

В левом звене (цель — средство) оба его члена представлены в чисто идеальном плане. Средство вступает в это отношение в его абстрактно-всеобщем виде: быть способным служить цели [14, с. 84]. В понятийном отношении цель и средство составляют двустороннее единство. С одной стороны, без соотнесения со средством цель представляет собой не более чем абстрактное стремление, неопределенный идеал, которого можно желать, но который не всегда можно реализовать. С другой стороны, никакая реально существующая вещь не может стать средством, пока человек не соотнес ее с целью деятельности. В языке это мысленное соотнесение цели и средства, потенциальный характер их связи маркируется предикатами мысли и чувства, оптативными и модальными глаголами, формами сослагательного наклонения и будущего времени: *Мими увидела, что если не замужеством, то другими средствами надобно поддерживать себя в свете* (В. Одоевский); *...когда полгода назад сын пошел не прямо на фронт, а на пехотные курсы младших лейтенантов, Виссарион и помогал, и где-то в глубине души хотел хоть немножко отодвинуть сына от смерти этими курсами* (К. Силюнов).

Правое звено (средство — результат) отражает связь рассматриваемых компонентов в реальной действительности. Как было показано, первым шагом целеполагающей деятельности является мыслительная операция — соотнесение цели и средства в идеальном плане. Однако результат (реализованная цель) всегда реален, и привести к нему может только реальное средство. В языке отношения между средством и результатом обычно изображаются ретроспективно, от уже достигнутого результата к средству его достижения: *Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого неряшливого пса? — спросил приятный мужской голос... — Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом* (М. Булгаков); *...отец мой игрок — он игрою сделал себе состояние* (В. Одоевский). Подобно взаимному определению цели и средства в левом звене структуры "цель — средство — результат" элементы правого звена также взаимно предполагают друг друга: как не существует результата без применения реального средства, так и применение реального средства не может не привести к определенному результату.

Определив место и связи элемента "средство", выступающего в исследуемой структуре в двух субкатегориальных разновидностях — как средство реализации

цели и как средство достижения результата, уточним содержательный аспект этого элемента системы деятельности. Переход от цели к результату, от представления к действительности осуществляется через действие (или последовательность действий). Именно практическое действие является причиной наступления результата. Так, путь превращения желания герцога в действительность в ситуации ... *герцог д'Эрнрон решил рассеять свою любовницу, устроив для нее ряд праздников и спектаклей на реке Гаронне* (М. Булгаков) лежит через ряд действий — устройство праздников и спектаклей. Средство реализации цели (акцентируя другую сторону "средства", можно назвать этот элемент "средством достижения результата") — это "способность, воплощенная в конкретной и деятельной форме" [9, с. 77].

2. Связь элемента "средство" с элементами "субъект" и "объект", неотъемлемыми составляющими деятельности как "способа освоения человеком действительности" [15], является опосредствованной через элемент "действие". Категориальное различие субъекта и объекта деятельности отражает осознание человеком своего отличия от внешнего мира. Субъектом деятельности может быть отдельный человек, группа людей, общество в целом. Объект же проявляется как такая часть объективной реальности, которая находится во взаимодействии с субъектом. Именно включение в деятельность и освоение субъектом позволяет части предметов объективной реальности приобрести свойство "быть объектом" [16, с. 140]. Объект деятельности может быть материальным и идеальным — предмет, человек (в том числе и сам субъект, если он направляет свою активность на себя), общество, социальные институты, социально-общественные отношения и связи и т.д. Таким образом, члены категориальной оппозиции "субъект — объект" не являются жестко закрепленными за определенными "вещами", одна и та же вещь может быть и субъектом, и объектом. Подобная закономерность наблюдается и в других категориальных парах: например, одно и то же действие может в одном случае выступать как причина, а в другом — как следствие; явление, квалифицируемое сначала как цель, может превратиться в средство достижения другой цели.

Отношения между субъектом и объектом, осуществляющиеся через действие (или последовательность действий)¹, можно условно представить в виде ряда "субъект — действие — объект". Действие, направленное на объект, может состоять в воздействии на него² или во взаимодействии с ним³. В последнем случае субъект относится к объекту как к партнеру, проявляющему в "обратной связи" с субъектом собственную активность (при доминирующем положении субъекта действия), ср.: *Он бил мальчишку и Он дрался с мальчишкой*. Отношения, выраженные в последнем примере, можно описать как "субъект — действие — субъект", акцентируя особую роль второго предметного члена, но можно рассматривать их и в пределах субъектно-объектных отношений. В языке различия в изображении субъектно-объектных отношений обоих типов проявляются, в частности, в закономерностях распределения глагольных лексем по признакам переходности/непереходности, каузативности/некаузативности, в закономерностях

¹ Ср. определение субъекта познания, данное Ж. Пиаже ("субъект — не что иное, как система действий, совершаемых им по отношению к объектам" [17]), которое можно распространить и на субъекты других видов деятельности. Строго говоря, нет отдельно субъекта и объекта, а существует только их взаимосвязь.

² Воздействие субъекта на объект может быть представлено в частных разновидностях его преобразования, познания и оценки; преобразование объекта может идти в направлении его создания, изменения, перемещения и т.п.; каждый из этих подвидов может быть представлен в своих частных разновидностях и т.д.

³ Взаимодействие субъекта с объектом может проявляться либо как коммуникация — передача сообщения партнеру, либо как интеракция — общение, не связанное с информационным контактом; коммуникация может быть вербальной и невербальной и т.д.

распределения субстантивных лексем по признаку одушевленности/ неодушевленности и др.

Рассмотренные фрагменты структуры деятельности "цель — средство — результат" и "субъект — действие — объект", каждый из которых сам образует упорядоченную структуру, закономерно обнаруживают содержательные и структурные взаимосвязи. Некоторые элементы одной структуры с необходимостью предполагают наличие определенных элементов другой структуры. Так, любой из элементов цепи "цель — средство — результат" предполагает связь с сознательным субъектом. Элемент "средство" охватывает сразу два последних элемента в последовательности "субъект — действие — объект", так как цель реализуется субъектом именно в ходе воздействия на объект или взаимодействия с ним. Средство реализации цели (средство достижения результата) включает в себя все, что опосредствует собой движение от цели к результату: целенаправленное действие субъекта и те материально-предметные условия, в которых дана цель — объект воздействия и орудие действия, если таковое имеется. Хотя объект действия, его цель и результат определенным образом связаны друг с другом, неправомерно ставить знак равенства между этими понятиями, рассматривая объект как цель [18] или как "конечный результат действия" [19]. Различия между ними отражаются в языке. Так, в ситуации, изображенной в высказывании *Он распиливает бревно, чтобы заготовить дрова на зиму*, объектом действия является бревно, а не дрова, которые в момент осуществления субъектом конкретного действия (распиливания бревна) существуют лишь потенциально, как возможность.

Структуры "субъект — действие — объект" и "цель — средство — (действие) — результат" описывают систему деятельности под разными углами зрения и на разных уровнях обобщения. Центральным элементом обеих структур является "действие", характеризуемое, однако, с разной степенью полноты. В первом случае (действие в узком смысле) имеется в виду конкретное действие субъекта, т.е. воздействие на объект или взаимодействие с ним — акт, процесс, событие и т.п. Во втором случае (действие в широком смысле) оно рассматривается в своей противопоставленности цели, ради которой оно совершается; здесь оно берется комплексно — со всеми его внутренними составляющими и внешними условиями протекания, приобретая смысл и ценность не само по себе, а лишь "...в соотношении с какой-то внешней для него целью и ценностью, которая представляется как более высокая" [14, с. 80]. Так, в высказывании *Чтобы заготовить дрова на зиму, он трудился две недели, распиливая бревна лучковой пилой и раскалывая поленья старым колуном* в качестве средства осуществления цели "заготовить дрова" выступает весь трудовой процесс, включающий на правах составляющих более частные действия (операции), каждое из которых осуществляется в своих конкретно-предметных условиях (со своим объектом и орудием воздействия), тогда как действиями субъекта, направленными непосредственно на объекты воздействия, являются только "распиливание" (бревен) и "раскалывание" (поленьев).

В ходе рассмотрения "горизонтальной" структуры деятельности была выявлена срединная позиция элемента "действие", выступающего с разной степенью обобщенности: либо более широкой — как средство реализации цели или средство достижения результата, либо более узкой — как конкретный акт контакта субъекта с объектом. Выявленные связи элемента "действие" с другими элементами структуры можно назвать координационными, лежащими на одном уровне. Существуют и субординационные связи элемента "действие", вскрывающие многоуровневое строение системы деятельности.

3. При исследовании связи элемента "средство" с элементом "действие" обнаруживается еще одна, третья субкатегориальная разновидность средства — "средство осуществления действия", которая в свою очередь представляет собой

единство двух взаимосвязанных аспектов инструментального содержания: "способа осуществления действия" и "орудия осуществления действия".

3.1. Деятельность существует как последовательность действий, в частном случае — как одно действие. Эти действия могут быть однотипными или отличаться друг от друга по объему, цели, средствам, временным и пространственным характеристикам и т.д., но каждое из них имеет одну и ту же "горизонтальную схему": оно соотнесено с целью и направлено на достижение результата. Цель, которой подчинено каждое конкретное действие, входящее в деятельность, представляет собой частную цель, промежуточную по отношению к общей цели всей деятельности. Соответственно результат, достигаемый в процессе осуществления отдельного действия, выступает как промежуточный результат по отношению к конечному результату, представлению о котором подчинена вся деятельность.

Подобно тому как основными составляющими деятельности являются осуществляющие ее действия, основными составляющими действия являются осуществляющие его способы. Под способом понимается процедура, прием выполнения действия, отдельная операция. Термины "способ" и "операция" обычно употребляются синонимически. Все же, видимо, есть различие между способом и операцией; оно проходит по линии виртуального и актуального. Операция — это актуализированный, индивидуализированный способ, осуществляемый в конкретных условиях. Реальное действие существует как последовательность операций, в частном случае — как одна операция.

По своему происхождению операция представляет собой продукт развития действия и как бы "понижение действия в ранге". Например, при обучении определенному стилю плавания специально и отдельно отрабатывается действие рук и процесс дыхания, причем подробно объясняется операционный состав этих действий. Человек, тренирующий действие руки, обязательно выделяет цель этого действия — перемещение массы воды в направлении, противоположном движению. Однако для умелого пловца действие руки перестает быть сознательным целенаправленным действием. Оно превращается в необходимую операцию, способ осуществления более сложного действия — самого процесса плавания. В действии-способе можно выделить свои составляющие — более специализированные приемы, способы второй ступени, по отношению к которым способ будет выступать как целенаправленное действие (способ повышается в ранге).

Таким образом, действие, которое в соотнесении с целью или результатом выступает как средство, само имеет сложную структуру, расчлененное строение которой можно представить как "целенаправленное действие — способ(ы) его осуществления". Ср.: *...следовательно, мы были обязаны совместно исправить эти беспорядки и пользоваться самым простым и быстрым средством к тому, т.е. бережно хранить все имущество Академии, не расхищая и не портя его* (Е. Дашкова), где действие "хранить (имущество)", выступающее как средство реализации цели "исправить беспорядки", расщипывается с точки зрения конкретных способов его осуществления ("не расхищая и не портя его").

Рассмотрение "вертикального среза" структуры деятельности позволяет выделить в нем три главных уровня, образующих иерархию действий: деятельность, отличную от других конкретных деятельностей по критерию мотива; действие — процесс, подчиненный сознательной цели; способ — операцию, непосредственно зависящую от условий достижения конкретной цели [13, с. 110]. В реальной деятельности ни одна из выделенных единиц не существует изолированно, как некая "отдельность". Деятельность (верхний уровень иерархии) реализуется только посредством действия или совокупности действий. Целенаправленное действие (средний уровень) представляет собой, с одной стороны (со стороны мотива), осуществляемую деятельность, и с другой стороны, оно само реализуется только через операцию или совокупность операций. Способ (нижний уровень) есть не что иное, как целенаправленное действие, взятое в его операционном аспекте. "Если

мысленно вычеркнуть из действия все операции, а из деятельности все действия, то от деятельности ничего не остается" [13, с. 104]. В то же время деятельность и действие, действие и способ представляют собой "подлинные и не совпадающие между собой реальности". В реальном функционировании они могут переходить друг в друга. Если деятельность теряет свой мотив, она превращается в действие (которое может реализовать совсем другую деятельность). Напротив, действие, получившее самостоятельную побудительную силу (мотив), превращается в деятельность. Действие, утратившее самостоятельную цель, становится операцией (способной реализовать другое действие); в свою очередь по отношению к другой, более частной операции способ может выступать как сознательное действие. "Единицы деятельности" могут укрупняться и дробиться в зависимости от того, как членит мир сознательно действующий субъект [13, с. 102—111].

Отражение в языке разномасштабного членения мира человеком можно продемонстрировать сравнением примеров *Он укрепляет свое здоровье ежедневными тренировками* и *Он ежедневно тренируется, пробегая по утрам несколько километров*, где действие "тренироваться" в первом случае выступает как конкретизация (способ) действия "укреплять свое здоровье", а во втором — как более отвлеченное действие по сравнению с действием-способом "пробегать (несколько километров)". В обоих случаях целенаправленное действие и действие-способ связаны отношением включения; одно и то же событие описывается с разных сторон: с помощью языковых средств более широкого, обобщенного значения и формами с более узким, конкретным значением. Более длинные цепочки действий, связанных инструментальными отношениями, редки, хотя и возможны, как, например: *Он укрепляет свое здоровье ежедневными тренировками, пробегая по утрам несколько километров*. Здесь представлен частный случай отношений включения — отношение сужения, когда событие сначала описывается в более общей форме, а затем все более конкретизируется. При этом разные ступени инструментальности синтагматически оформляются разными языковыми средствами.

3.2. До сих пор речь шла о той форме существования деятельности, которая называется "живой деятельностью". Однако деятельность как целое существует лишь в единстве противоположностей — деятельности живой и деятельности опредмеченной [16, с. 123], проявляющей себя, в частности, в виде орудий. Орудия — это предметы, в которых овеществлены операции. Например, материальный объект можно расчленил при помощи разных орудий, каждое из которых определяет собой способ осуществления этого действия; так, полено можно расчленил пилой (распиливая), топором (разрубая или раскалывая), ножом (расщепляя), камнем (разбивая). Чем более орудие специализировано на выполнении определенного действия, тем более жесткой является связь между этим предметом и воплощенным в нем способом. Человек, выделив интересующее его свойство предмета, может искусственно создать "очищенную форму его бытия" [14, с. 98] — инструмент, специализированный на выполнении конкретной операции.

В пределах категории орудия выделяются свои субкатегории — "дискретное" и "недискретное" орудия. Это различие базируется на разграничении предметов, определяемых посредством счета, и предметов, определяемых посредством измерения, ср.: *Мать приучила ребенка чистить зубы зубной щеткой* и *Он чистит зубы пастой, а не порошком*. Недискретные предметы, используемые в орудийной функции, ведут себя иначе, чем дискретные орудия: в процессе воздействия на объект они изменяются количественно — расходуются и качественно — их повторное использование в том же виде обычно становится невозможным. Дискретные орудия не расходуются, не столь подвержены качественному изменению и, войдя во временное соприкосновение с объектом воздействия, возвращаются в сферу субъекта. Разграничение дискретного и

недискретного видов орудия коррелирует с традиционным разделением "орудия" — собственно предмета и "средства" — вещества, материала. Критерии разграничения содержания этих понятий издавна привлекают внимание лингвистов, так как различия, лежащие в их основе, могут находить формальное выражение⁴. В рамках субкатегории "дискретное орудие" разграничиваются "отчуждаемое" и "неотчуждаемое" орудие (часть тела человека), а также другие, более дробные разряды предметов. Важно то, что за любым предметом-орудием стоит действие, которое субъект осуществляет как способ реализации другого — целенаправленного — действия. "Действие" орудия является способом осуществления действия субъекта.

Различаясь субстанционально — как процесс и предмет, способ и орудие объединяются функционально — своим инструментальным отношением к действию, выступая как средства его осуществления. Существенно, что способы и орудия являются непосредственными средствами осуществления именно действия и лишь опосредствованно — через целенаправленные действия — они выступают как средства реализации цели или достижения результата. Таким образом, средство осуществления действия (средства в узком смысле) является составляющей средства реализации цели/достижения результата (средства в широком смысле), средством второй ступени. В многоуровневой структуре деятельности, таким образом, можно установить не только иерархию действий: деятельность — действие — способ, но и иерархию средств: средство реализации цели / средство достижения результата — средство осуществления действия.

4. Связи трех выделенных субкатегориальных разновидностей средства с другими элементами системы деятельности моделируют три последовательные фазы любого деятельностного акта: 1) регулятивную — постановка цели и соотнесение с ней возможных средств реализации (цель — средство); 2) исполнительскую — процесс непосредственного осуществления целенаправленного действия с помощью конкретных средств (целенаправленное действие — средство его осуществления); 3) результативную — установление результата и выявление средств, вызвавших его наступление (средство — результат). Отражаемые в языке три фазы деятельностного акта выделяются философами с давних пор. Так, еще Аристотель рассматривал деятельность а) как таковую, б) как деятельность в потенции, в) как реализованную деятельность, имея в виду три аспекта, точнее три способа видения одного и того же акта деятельности [20].

В языке каждая из трех фаз деятельности передается в виде инструментальной ситуации, представляющей собой частный вариант инструментальной содержательной структуры [1, с. 12—14]. Инструментальные ситуации всех типов обозначают по меньшей мере два события (или два аспекта одного события), причем "средство" — зависимое событие. Событийная сущность инструментального отношения может передаваться с разной степенью эксплицитности — от подробного описания всех участников события с указанием времени, места и других обстоятельств его осуществления (деепричастная конструкция, придаточное инструментальное) до лишь имплицитного выражения события — в названии предмета-участника. Из трех деятельностных фаз исполнительная фаза наиболее ярко выявляет опредмеченную сторону деятельности, поскольку именно в ходе этой фазы осуществляется конкретное воздействие на объект или взаимодействие с другим предметом. Хотя даже конкретно-механические действия могут быть реализованы без привлечения специальных орудий (так, расколоть поленью можно и без топора, просто ударяя им обо что-либо твердое), узуально воздействия на материальный объект осуществляются предметно. Закономерно существенное преобладание обозначений орудий над обозначениями способов при отображении

⁴ Фактически изучение СК инструментальности шло в направлении изучения субкатегории орудия; при этом термины "инструментальность" и "орудийность" обычно употребляются синонимически (см., например [8, с. 317]).

исполнительской фазы деятельности: *Полицейские избивали меня дубинками, боксеры молотили кулаками, меня заставляли становиться на четвереньки и ногами отбивали мне почки, но мне еще повезло — других пытали током* (Ю. Трифонов). Обозначения орудий встречаются реже при языковой репрезентации результативной и особенно регулятивной фаз деятельности; при этом часто понижается уровень семантической достаточности для понимания некоторых высказываний: *Вытянул он у меня секрет самогонкой* (В. Астафьев) (как: напоив угостив самогонкой?, продав, пообещав самогонку?); *И кинолентой рассчитываешь объединить нас, одиночек?* (Ю. Трифонов) (как: отсняв, показав киноленту?, предложив принять участие в создании киноленты?). В целом при выражении инструментальных отношений обозначения предметных средств встречаются чаще, чем обозначения процессуальных средств. В некоторых языках эти субкатегориальные различия выражаются грамматически, например, в современном немецком языке существует тенденция формально разграничивать процессуальную и предметную инструментальность: *durch einen Schuß, durch einen Schlag töten, но: mit einer Pistole, mit einem Messer töten.*

Изучение лексического оформления инструментальных ситуаций разного типа позволяет сделать вывод о более отвлеченном характере глагольных и субстантивных лексем, участвующих в отображение результативной и особенно регулятивной деятельности фаз по сравнению с исполнительской фазой, что согласуется с выявленной ранговостью СК средства. Наблюдаются различия инструментальных ситуаций в аспектуально-временном и модальном планах, в передаче таксисных отношений, в связях с другими, неинструментальными, ситуациями.

В частности, результативная инструментальная ситуация (средство — результат) обнаруживает регулярные связи с причинно-следственной ситуацией. При ретроспективном взгляде на положение дел — с позиции имеющегося эффекта — не всегда ясно, является ли этот эффект результатом сознательного действия (средства) или следствием действия некоей причины. Так, в высказывании *Миних спас Ганнибала, отправив его в ревальскую деревню* акцент делается на факте спасения героя и объективном событии, приведем к наступлению этого факта. Является ли "отправление в деревню" целенаправленным действием субъекта или таким его действием, которое не было специально направлено на достижение желаемого результата и лишь попутно привело к нему, остается "за кадром". Инструментальные ситуации этого вида типичны для научно-технической литературы с ее объективизированным взглядом на вещи, интересом к фактической стороне дела. Здесь распространены высказывания типа *Разложение пигмента было ускорено окислением*, где изображена ситуация, которая может иметь место и в живой природе, и в условиях, специально созданных человеком.

Многочисленность подобных примеров заставляет обратиться к изучению истоков такого синкретизма. К этому побуждает также стремление некоторых нормативных грамматик предостеречь против регулярного употребления одних и тех же форм для выражения и инструментального, и причинного значения; так, в одной авторитетной грамматике современного немецкого языка [21] рекомендуется употреблять предлог *durch* только в значении средства, а значение причины передавать с помощью собственно каузальных предлогов *wegen* и *infolge*. Указывая на факты частого неразграничения причинного и инструментального значений в пределах одной формы или "подмены" нормативного средства выражения причины другим, ненормативным, немецкие грамматики не вскрывают источника столь регулярного отступления от предписываемой ими нормы, который, видимо, следует искать в процессах осмысления человеком наблюдаемых фактов реальной действительности. Хотя причинно-следственные отношения существуют объективно, независимо от деятельности человека, исторически он сумел разграничить причину и следствие именно в своей практической деятельности. Известно, что формы выражения причинности во многих языках

использовались сначала не для объяснения внешнего мира, а для отражения сугубо внутренних явлений — мотивов человеческого поведения и эмоций. В основе причинных высказываний независимо от того, осознает ли это человек или нет, лежит направленность на действие, на возможность управления ходом событий [22]. Глубокие генетические и исторические связи инструментальности и причинности проявляются, в частности, в традиции их однотипного языкового оформления.

5. Начав изучение категории средства с установления ее статуса в пределах образования, системная организация которого считается доказанной, а именно — с системы деятельности, мы обнаружили, что сама категория средства представляет собой системное образование. Внутренние связи в структуре элемента "средство", а также его внешние связи — с другими элементами структуры деятельности — можно характеризовать как устойчивые. Отношения по горизонтали представляют собой частный случай причинной связи, несущей в себе момент циклической зависимости: цель является непосредственной причиной сознательного действия, которое в свою очередь становится причиной следствия (результата), предвиденного в цели. Отношения по вертикали могут быть описаны как отношения включения, вхождения. Горизонтальная позиция "средства" была определена выше как срединная; привлечение вертикального аспекта рассмотрения выявило общее центральное положение "средства" в структуре деятельности. Проявляясь по отношению к другим элементам в разных своих ипостасях — как орудие или способ действия, как средство осуществления цели или средство достижения результата — элемент "средство" во всех случаях остается тождественным самому себе: он является воплощением структуры опосредствования, т.е. такого отношения одного понятия к другому, которое мыслится и познается лишь через третье понятие. Как известно, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, определяется как структура. Являясь "инвариантным аспектом системы", структура расчленяет целостный объект на части и одновременно связывает их в одно целое, превращая части в элементы системы.

Подобно другим системным образованиям категория средства удовлетворяет основным принципам системности. В ней выявляется сеть устойчивых связей и отношений (принцип структурности). Многоуровневое построение системы обеспечивает специализацию каждого из уровней на выполнении определенного круга функций: на нижнем уровне используется более детальная и конкретная информация, охватывающая, однако, лишь отдельные стороны функционирования системы, более высокие уровни несут более обобщенную информацию, характеризующую условия функционирования системы в целом. Так, если нижний уровень системы "средства" информирует о поведении предметов в инструментальной функции, то на более высоком уровне вскрывается деятельностная сущность любого средства, на верхнем уровне иерархии обнаруживается принципиальная связь средства с целеполаганием (принцип иерархичности). Система развивается не только в сторону увеличения количества элементов, но и в направлении их качественного усложнения; элементы системы существуют не как нечто данное, застывшее, но могут переходить один в другой, приобретая новые свойства; так, при изменении условий действие может выступать как деятельность или как способ осуществления действия; закономерным является наличие явлений переходного типа (принцип развития). Каждый более высокий уровень приобретает свойства, не присущие нижележащему уровню; свойства системы принципиально не сводимы к сумме свойств составляющих ее элементов; вся система в целом получает свойство неаддитивности (принцип целостности). Система средства существует не изолированно, а функционирует в пределах более широкой системы — системы деятельности, выступающей в свою очередь как компонент системы активности (принцип взаимосвязанности системы и среды). Адекватное познание такой сложной системы, как категория средства, требует

построения различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы; необходимые в исследовательских целях процедуры "разно-плоскостного" и "поуровневого" анализа завершаются попыткой синтеза разных определений исследуемого объекта (принцип синтеза аспектов описания).

Универсальная категория средства, отражающая специфически человеческую — инструментальную — форму отношения к окружающему миру, существует как система субкатегорий. В то же время она тесно связана с одноранговыми СК — цели, результата, субъекта, объекта, причины, следствия. Как внутренние (собственно инструментальные), так и внешние связи могут находить определенное языковое воплощение. Выявление всего разнообразия форм выражения сложного инструментального содержания составляет задачу конкретно-языковых исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А.В.* Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Л., 1987.
2. *Льонг В.Т.* Способы выражения орудийного значения в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1983.
3. *Белоцанкова В.А., Муравенко Е.В.* Способы выражения инструментального значения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1985. № 6.
4. *Варнахович Л.В.* Категория инструменталя и ее реализация в тексте. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1986.
5. *Фичи Ф.* Творительный падеж со значением орудия, средства и образа действия в русском языке // Русский язык за рубежом. 1987. № 3.
6. *Долгополова Е.П.* Функционально-семантическое поле орудийности в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
7. *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.
8. *Вежицка А.* Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985
9. *Гражданников Е.Д.* Метод систематизации философских категорий. Новосибирск, 1985.
10. *Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
11. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
12. *Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
13. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
14. *Трубников Н.Н.* О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1968.
15. *Кристотурьян Н.Г.* Категория деятельности в системе научных понятий. М., 1976.
16. *Фофанов В.П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981.
17. *Пиаже Ж.* Системный подход и принцип деятельности // ВФ. 1965. № 6.
18. *Лайонс Дж.* Введение в теоретическую лингвистику М., 1978.
19. *Кильдибекова Т.А.* Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов, 1985.
20. *Coseriu E.* Synchronie, Diachronie urd Geschichte: Das Problem des Sprachwandels. München, 1974.
21. *Der große Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache Bd 4.* Mannheim, 1973.
22. *Перминов В.Я.* Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979.